

Фаллическая символика и комплекс кастрации в повести "Нос" Николая Васильевича Гоголя

Šimić, Ivan

Undergraduate thesis / Završni rad

2023

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:840055>

Rights / Prava: [In copyright / Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-05-16**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Završni rad

***Фаллическая символика и комплекс кастрации
в повести «Нос» Николая Васильевича Гоголя***

student: Ivan Šimić

mentor: dr.sc. Jasmina Vojvodić, red. prof.

ak. god.: 2022./2023.

Zagreb, rujan 2023.

University of Zagreb

Faculty of Humanities and Social Sciences

Department of East Slavic Languages and Literatures

Undergraduate thesis

***Phallic symbolism and the castration complex
in Nikolai Vasilyevich Gogol's short story „The Nose“***

student: Ivan Šimić

supervisor: dr.sc. Jasmina Vojvodić, full prof.

academic year: 2022./2023.

Zagreb, September 2023.

Содержание

Введение	1
Психоанализ, и его роль в литературоведении	2
Фаллическая символика носа	3
Тревога Ковалёва как страх кастрации	6
Стремление к самоосуществлению	8
Абсурд и подсознательное	10
Заключение	12
Литература	13
Sažetak	15
Ključne riječi	15
Ключевые слова	15
Kratki životopis	15

Введение

Николай Васильевич Гоголь – выдающийся русский писатель украинского происхождения – родился 31 марта 1809 г. в Российской империи (ныне на территории современной Украины). Являющийся одной из самых значительных фигур в русской литературе, Гоголь известен своим вкладом в развитие русской повести и романа. Николая Гоголя часто тянуло к абсурду и гротеску; он обладал острым чутьем на социальную сатиру, что делало его произведения одновременно и заставляющими задуматься, и развлекательными. Его литературное наследие оказало глубокое воздействие на русскую литературу и повлияло на многих писателей как в России, так и за её пределами.

Нос – сюрреалистическая и абсурдистская повесть, впервые опубликованная в 1836 году. Она считается одним из самых известных и эксцентричных произведений Гоголя, демонстрирующих его уникальный литературный стиль и образное повествование. В основе сюжета *Носа* лежит история петербургского чиновника майора Ковалёва, который, проснувшись утром, обнаруживает, что его нос необъяснимым образом исчез с его лица. К своему ужасу и потрясению, он обнаруживает, что нос превратился в чиновника более высокого ранга и теперь разъезжает по городу в форменной одежде, выдавая себя за независимого персонажа от прежнего владельца. Повествование следует за отчаянными попытками Ковалёва вернуть себе потерянный нос, приводя его в ряд абсурдных и комичных ситуаций. Нос обретает собственную жизнь, становится самостоятельным персонажем и даже поднимается в обществе, приобретая большую значимость, чем его прежний владелец.

Цель данного исследования попытаться прочесть *Нос* сквозь призму психоанализа и расшифровать глубинные психологические темы, заложенные Гоголем в повести. В данной работе основным объектом исследования будет нос – физическая часть тела Ковалёва, и его символика. Имеется в виду нос как фаллический символ, и тревога, которую вызывает его отсутствие. Выдвинув эти гипотезы, мы можем проанализировать других персонажей повести – врача, полицейского и цирюльника Ивана Яковлевича. Наконец, я изложу теорию о том, что вся повесть является сном, и попытаюсь объяснить, как она возникла в подсознании Гоголя.

Психоанализ, и его роль в литературоведении

Первое, что нужно сделать, чтобы могли добраться до сути этой работы – объяснить, что такое психоанализ, изложить короткую историю психоанализа, и оправдать её пользу в сфере литературоведения. Психоанализ – это направление в психологии, основанное австрийским психологом Зигмундом Фрейдом в конце 19-ого и начале 20-ого вв. (Старовойтов 2022.) Разработан как способ лечения истерии, психоанализ побудил у Фрейда идею, что большинство социально неприемлемых поведений происходит из вытеснения травматических опытов в бессознательное. Надо упомянуть, что, в основном, травматические опыты в понятиях Фрейда имели сексуальный характер, т.е. они являлись результатами так называемого Эдипово комплекса на ранних стадиях развития человека, как описано в его лекции *The development of the libido and the sexual organizations* (Freud 1977: 382). Иными словами, основным энергетическим двигателем психической активности рассматривалось либидо. Это видимо в убеждении Фрейда, что инстинкт сосания материнской груди возникает у ребенка благодаря его либидо, то есть на первой стадии его развития – оральной (там же: 372). С того времени, многие теории Фрейда опровергнуты, и две самые интересные и плодотворные противоположные теории, сделанные Альфредом Адлером, чьи исследования были сосредоточены на комплексе неполноценности, и Карлом Густавом Юнгом, который постулировал существование коллективного бессознательного, и по которому целью человека является индивидуализация, т.е. самоосуществление. (Старовойтов 2022.) Павел Семёнович Гуревич и Елена Георгиевна Руднева упоминают в своей статье *Психоанализ в России*, опубликованной в журнале *Философская школа*, что в 1914-1922 гг. известным стал Иван Дмитриевич Ермаков. Его труды оказались наиболее важными в замысле и написании этого исследования. Он помог перевести огромное количество литературы и развить терминологию, так как он был ведущим лицом в основании Московского психоаналитического общества 1922 г. Это учреждение, к сожалению, было разорвано уже три года позже из-за постоянно растущего количества высылков. 1930-ого г. психоанализ был эксплицитно запрещённым, а 10 лет спустя Ермаков был арестован, и в 1942 г. умер в тюрьме. «Я уверен, что грустная судьба психоанализа в России несомненно связана с ростом тоталитаризма», пишут авторы, «тотальное принуждение к единомыслию, несомненно, несовместимо с психоанализом.» (Гуревич, Руднева 2018: 148).

Польза психоанализа не заканчивается в сфере медицины. Этот факт понял и сам Фрейд ещё в ранних стадиях развития своей дисциплины, пишет Владимир Николаевич Ганин в статье *Психоаналитическая критика как литературоведческий метод*, опубликованной в информационном гуманитарном портале *Знание. Понимание. Умение*. Именно, Фрейд применил «Эдипов комплекс» на примере молодого принца Гамлета, главного героя трагедии Шекспира: «Датский принц, по мнению ученого, также испытывал подсознательное влечение к матери и желание устранить отца» (Ганин 2013). Фрейду не были неизвестны и русские писатели – в 1928 г. он написал предисловие к роману Достоевского *Братья Карамазовы* в форме работы *Dostoevsky and Parricide*, в котором постулирует, что убийство Карамазова-старшего его сыном является манифестацией желания писателя избавиться от своего отца (1997: 247). В период после Второй мировой войны, пишет Ганин, фрейдизм постепенно утрачивает свой монополизм в психоаналитической критике, появляется все больше критических анализов, сочетающих психоанализ с элементами, заимствованными у других литературоведческих школ (Ганин 2013). Учитывая все это, я думаю, что можно переходить к применению этой теории на нос в одноименной повести Гоголя.

Фаллическая символика носа

В своём сборнике эссе *Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя*, Иван Дмитриевич Ермаков исследует психическое состояние Гоголя и как оно влияло на его творчество. В начальной главе, *Болезнь Гоголя*, Ермаков упоминает, что у русского автора были симптомы той болезни, которая только позже получила бы название циркулярное, или круговое – у него изменялись волны повышенного и пониженного настроений (1923: 7). Ермаков тоже приводит, что Гоголь был очарован всем тем, что было уродливым, что представляло какие-то недостатки и пошлость: «он находил это в своей душе, и смеясь над ними он смеялся над собой – смеясь он избавлялся от своих дурных качеств, проецируя их у своих героев» (1923: 9). Иными словами, анализируя героев повестей Гоголя можно узнать об психическом состоянии писателя, и наоборот, понимая его психическое состояние, можно лучше понять природу его творчества.

Но, в чем польза анализа носа Ковалёва? Дело в том, что Гоголя не устраивало, как выглядел его собственный нос: «Сам Гоголь страдал от некрасивого носа,» пишет Пол Фридман в своей статье *The Nose: Some Psychological Reflections*, «носа такой длины и подвижности, что с ним можно было проделывать салонные фокусы, любимый из которых заключался в том, что он мог коснуться кончика носа нижней губой» (Friedman 1951: 339). Владимир Набоков, русско-американский писатель и литературовед, в своих *Лекциях по русской литературе* в начале главы посвященной Гоголю упоминает два наиболее важных для Гоголя органа: «Живот – предмет обожания в его рассказах, а нос – герой-любовник» (Набоков 1999: 33). Набоков выделяет тенденцию Гоголя писать о носах и связанным с ними физиологических функциях, отмечая, что «трудно найти другого писателя, который с таким смаком описывал бы запахи, чиханье и храп» (там же, 34), а повесть *Нос* называет настоящим гимном этому органу (там же). Набоков также видел, как эта одержимость носом могла бы стать благодатной почвой для психоанализа, объясняя, что «в вывернутом наизнанку мире Гоголя человеческие существа поставлены вверх ногами [...], и поэтому роль носа, очевидно, выполняет другой орган, и наоборот» (там же). Этот «какой-то другой орган», на который Набоков обращает внимание, есть не что иное, как половой орган – пенис, т.е. фаллос. Эта связь лежит в основе раннего психоанализа, поскольку, как уже говорилось в предыдущей главе, Фрейд уделял большое внимание сексуальности, вплоть до того, что обозначил либидо, то есть сексуальную энергию, как основной мотиватор человека. В данном случае ставится акцент на том, что нос майора Ковалёва в повести *Нос* на самом деле является "шифром" для пениса, т.е. нос – это фаллический символ.

Фаллический символ – это какой-нибудь предмет, который с психоаналитической точки зрения может интерпретироваться как символически представляющий мужской половой орган – фаллос (Немов 2007: 392). В статье *N. V. Gogol's 'The Nose': A Satirical Comic Fantasy Born of an Impotence Complex* Питер К. Спайчер приводит несколько примеров, которые, по его мнению, доказывают фаллическую символику носа. Потеряв нос, Ковалёв сначала пытается обратиться за помощью к обер-полицмейстеру, но, узнав, что тот только что вышел из кабинета, решает дать объявление о потерянном носе в газету. Но в конце третьей части, завершая повествование, рассказчик говорит: «...как Ковалёв не смекнул, что нельзя чрез газетную экспедицию объявлять о носе?» (Гоголь 1966: 73) причем так, что создается впечатление, будто Ковалёв хотел написать что-то неуместное.

По мнению Спайчера, комментарий рассказчика показывает, что Гоголь вполне понимал не совсем уместное значение носа (1963: 365). Чтобы успокоить Ковалёва, тот самый чиновник предлагает расстроенному майору свою табакерку (по иронии судьбы, на табакерке нарисован портрет привлекательной женщины). Поняв, что воспользоваться ею ему не удастся из-за нехватки носа, он еще больше расстраивается и даже оскорбляется. Однако в третьей части, когда Ковалёв вновь обретает свой нос, разговаривая с госпожой Подточиной и ее дочерью, он все это время с наслаждением нюхает свою табакерку. Спайчер подчеркивает символичность того, что Ковалёву нельзя пользоваться табакеркой без носа, но гордо закапывает его в табак на глазах у двух женщин (1963: 367). Сам Гоголь в письме одной молодой даме хвастался, что его собственный нос был так длинен и острый, что мог самостоятельно проникать в любую, даже самую маленькую табакерку (Набоков 1999: 32). Ясмينا Войводиц в своей научной работе, *Gesta, Tijelo, Kultura*, объясняет функцию табакерки в произведениях Гоголя, служащую возможности иллюстрировать картину носа как органа наслаждения: «герои [нос] "угощают табаком", то есть доставляют ему гораздо больше удовольствия, чем изображают его уродливой и слизистой частью лица» (Vojvodić 2006: 163). Когда врачу не удастся приклеить нос обратно на лицо Ковалёва, он рекомендует оставить все как есть, потому что насильственное приклеивание может принести больше вреда, чем пользы. Это, конечно, вызывает у Ковалёва чувство ярости, он начинает переосмысливать свое будущее и даже пытается торговаться с доктором в отчаянной мольбе: «Я же притом и не танцую, чтобы мог вредить каким-нибудь неосторожным движением» (Гоголь 1966: 67) – танец здесь, пишет Спайчер, представляет сексуальный акт, и упоминание Ковалёвым о том, что он в нем не участвует, сигнализирует доктору о том, что он не повредит возвращённый фаллос таким образом (1963: 366). Спайчер также упоминает нищих с закутанными лицами, сидящих перед Казанским собором, отмечая, что они «фактически без носов, возможно, из-за сифилиса», и добавляет, что «Ковалёву сейчас на мгновение показалось, что он в чем-то похож на своего товарища по несчастью». (1963: 366) Продолжая о соборе, Ермаков в *Очерках* описывает Казанский собор как символ женственности и брака (1923: 59), и тоже выделяет, что описание персонифицированного носа рисует особую картину: «У майора (большого) Ковалёва оказался статский советник в роли носа, т.е. половой орган. Все, что может быть связано с напряжением, со стоянием, равно приложимо и к чиновнику, и к половому органу...» (1923:

193). Таким образом, женский собор и мужской нос образуют союз, символизирующий секс.

Установив, что нос был выбран не случайно, а является символическим изображением мужского полового органа, мы можем перейти к анализу тревоги Ковалёва по поводу его потери, кастрационной тревоги.

Тревога Ковалёва как страх кастрации

Страх кастрации, или комплекс кастрации или же кастрационная тревога, впервые был описан Зигмундом Фрейдом в лекции *On the sexual theories of children*, где описал момент реализации у ребёнка, что у женщин нет пениса (Freud 1948: 65), и что он может быть наказан его удалением, если его застанут за мастурбацией (там же: 66). Этот страх от удаления пениса, хотя вначале он может быть дословным, по мере взросления мальчика, если его не лечить, скорее всего, будет так или иначе проявляться. Мур и Файн заканчивают свою статью о комплексе кастрации словами о том, что он может быть спроецирован на другую часть тела или на концепт, который ассоциируется с мужественностью, обычно статусом и мощью – в случае последнего примера говорим о т.н. страхе эмаскуляции (Мур и Файн 2000: 94). Обе эти проекции мы можем наблюдать у майора Ковалёва: проекцию на другую часть тела, на нос, и на свой ранг и успех у дам. В *Очерках*, Ермаков недвусмысленно приводит мнение, что в основе *Носа* лежит страх от кастрации, соответствующий подсознательному желанию иметь громадный орган и возможность неограниченных эротических наслаждений (Ермаков 1923: 210) – иными словами, Ковалёв тяготеет к определённому статусу, который принёс бы ему уважение, но ставит его на такой высокий уровень, что постоянное беспокойство о том, что он может его потерять, сводит его с ума. Важно знать о майоре Ковалёве то, что его титул имеет оговорку. Это связано с тем, что, как передаётся рассказчиком, получить звание коллежского асессора можно двумя способами: с помощью ученых аттестатов, и через службу на Кавказе, причем второй способ ценится меньше первого. Ковалёв был кавказский коллежский асессор, и он прекрасно понимал, что его звание ниже, чем звание образованного асессора. Поэтому, чтобы казаться более значительным, он никогда не использовал свое кавказское звание, а

использовал более значимое по звучанию звание майора (Гоголь 1966: 50). Ведь если бы кто-то поинтересовался, как он его получил, то немощный майор наверняка рухнул бы на месте. Этот страх, конечно, проявляется в олицетворенном носе, с которым Ковалёв встречается лицом к лицу (если это вообще можно назвать «лицом») в Казанском соборе. «Как подойти к нему – думал Ковалёв – По всему, по мундиру по шляпе видно, что он статский советник» (Гоголь 1966: 52). По иронии судьбы, ранг носа оказался выше, чем его собственный и Ковалёв с трудом набирается храбрости, чтобы подойти к нему. Их встреча прерывается, когда Ковалёв замечает пару дам, за которыми появился высокий мужчина во впечатляющем мундире и с табакеркой. Ковалёв приводит себя в порядок, пытаясь привлечь внимание дам, но как только вспоминает, что он без носа, теряет всю браваду и практически разрывается, как бы показывая, таким образом, что ухаживать бесполезно, если твой орган не на своем месте. Интересным является дополнение, о котором упоминает Спайчер: когда полицейский возвращает майору нос, он говорит, что поймал его по дороге в Ригу, на "культурный" Запад (1963: 363).

Ксана Бланк в пятой главе своего приложения повести, *A case of castration anxiety*, упоминает два интересных мотива, на которые первым указал Ермаков – боязнь от сифилиса, и связь с Благовещением (2021: 165-166). Во-первых, Ермаков хорошо знал, что Гоголь очень боялся заразиться этой болезнью, и указывает на то, что Ковалёв теряет нос в ночь после того, как обнаруживает на нем прыщ (1923: 191). Принимая во внимание теорию о том, что действие повести *Нос* происходит во сне (эта теория будет рассмотрена ниже в данной работе), можно прийти к выводу, что этот страх перед сифилисом настолько силен, что, прорываясь сквозь завесу подсознания, попадает в бессознательную сферу сна и проявляется как гиперболический случай кастрационной тревоги, доведенной до крайности. Во-вторых, Бланк отмечает, что Ермаков был первым ученым, указавшим на то, что повесть начинается 25 марта, в праздник Благовещения. В этот день, как считают христиане, ангел Гавриил возвестил деве Марии, что она забеременеет Иисусом. Этот священный "половой акт" прямо противоречит грязным сексуальным темам в самой повести, Ермаков даже называет его пародией на Благовещение (1923: 192).

Стремление к самоосуществлению

Продолжая тематику религии, и анализируя некоторых других персонажей, можно понять, как выглядит личность, которую Гоголь считает полноценной, т.е. самоосуществленной. Для Гоголя, самоосуществление наступает тогда, когда желания человека согласуются с Богом, когда он живет в соответствии с церковным учением, пишет Светлана Голубева в своей статье *Антиномия «внешнего» и «внутреннего» человека в повести Гоголя «Нос»*. Термины «внешний человек» и «внутренний человек» в названии относятся к двум полярным противоположностям, когда речь идет о внутренней иерархии человека, и существуют доказательства, в письмах Гоголя как к коллегам, так и к матери и сёстрам, что он пользовался этими терминами (Голубева 2014: 147). Точнее, они исходят из учения философа-проповедника XVIII века Григория Сковороды: «внешний человек» – это человек, полюбивший материальный мир, плоть: «[он] гонится за видимостью, понеже усматривает в ней светлость и приятность, жизнь, красу и силу» (там же 146). Для Голубевой нет лучшего примера такого персонажа, чем Ковалёв. Это человек, которого мучает соблазн мирских удовольствий: он хочет мощи, о чем свидетельствует его стремление дослужиться до чина статского советника, так как именно этот чин носил его нос. Ковалёв, таким образом, наказан высшими силами (Богом или самим Гоголем) за эти плотские желания, причем наказание иронично: его «кастрируют», лишают звания, он остается фактически обнаженным перед своими сверстниками и испытывает огромный стыд, тем более что в таком виде он никогда не смог бы найти себе женщину. Это наказание усугубляется тем, что остаток его «кастрации» получает более высокий чин, чем его собственный. Однако, на особенности взглядов Ковалева на брак необходимо остановиться более подробно. «Майор Ковалёв не был прочь и жениться,» приводится в повести при описании Ковалёва в начале второй части *Носа*, «но только в таком случае, когда за невестой случится двести тысяч капиталу» (1966: 51). Что касается конкретного предложения о замужестве, то у нас есть персонаж мадам Александры Григорьевны Подточиной. В своем бреду перед тем, как полицейский возвратил ему нос, он приходит к выводу, что мадам Подточина, наверное, прокляла его, чтобы он лишился носа (мужского достоинства) за то, что он отказался жениться на ее дочери (там же: 63). Этот бред достигает своего максимума, когда Ковалев, разочаровавшись в неумелости доктора, посылает мадам Подточиной письмо, в котором прямо обвиняет ее в исчезновении своего носа. Мадам

Подточина отвечает тотчас, но, по иронии судьбы, путает его обвинение в краже с обвинением в том, что она оставила его с носом, т.е. дала ему формальный отказ (там же: 69). Иными словами, каждый из них по-своему понимает этот отказ, т.е. «показывание носа» (Vojvodić 2006: 167). Симон Карлинский в своей книге *The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol* пишет, что Гоголь в своих произведениях имеет совсем противоположное традиционному для Запада представление о счастливом конце, которое, как правило, предлагает брак, и что в конце *Носа* Ковалёв «торжествует, вырвавшись из ловушек супружества (с целым носом)» (Karlinsky 1976: 36). Карлинский постулирует, что отказ Гоголя от нормы обусловлен тем, что он был гомосексуалистом и прекрасно понимал опасность, связанную с этим, как со стороны общественного порицания, так и с точки зрения божественного наказания: «поскольку его собственные эмоциональные и сексуальные потребности могли подвергнуть его опасности, всякое желание эмоционального и сексуального участия в любой форме было опасным, и лучше всего его избегать» (там же: 37).

Прежде чем продолжить речь о самоосуществлении, и чтобы дополнительно подчеркнуть иррациональность и поверхностность Ковалёва, необходимо коснуться сатирического содержания *Носа*. Каждый человек, пользующийся авторитетом в этой повести, представлен таким образом, чтобы сатирически изобразить учреждение, частью которого он является. Встреча Ковалёва с полицейскими показывает, как они не стесняясь берут взятки, а также то, что в них работают неквалифицированные сотрудники: полицейский, возвращающий нос, не только физически неполноценен (он практически слепой), но и идиот (он считает, что это заболевание досталось ему по наследству от тещи) (Karlinsky 1976: 129). Сцена в газетной редакции показывает нам объявления о продаже крепостных девушек рядом с объявлениями о продаже лошади и овощных семян – гиперболизация морального убожества русской жизни того времени (там же: 127). Врач не в состоянии помочь Ковалёву, но при этом хвастается, что берет с пациентов деньги только для того, чтобы не оскорбить их отказом. Кроме того, манера описания врача не дает нам целостного представления о его внешности, мы узнаем только, как выглядит его униформа (Blank 2021: 131). Цирюльник, который должен руководить гигиеническим заведением, оказывается грязным, пьяным и вором (там же: 132).

В контексте остальных персонажей повести, видимо, как Гоголь поставил Ковалёва как будто в середину своего рода иерархии «самоосуществления». С одной стороны, тут есть врач, который постарался утешить Ковалёва, когда стало очевидным, что он не сможет вернуть нос на лицо, и полицейский, который нашёл и вернул Ковалёву нос. Полицейский – человек с высоким авторитетом, и он описывается как несколько привлекательный. В отличие от него, всего парой абзацев ранее Ковалёв назвал себя пасквилом. Врач, после недолгой попытки вернуть нос на место, приходит к выводу, что нос не удастся. Пол Фридман отмечает, что врач в этом случае действует как психоаналитик – он понимает, что корень проблемы Ковалёва лежит глубже, чем отсутствие носа, и что ему придется сильно изменить свою жизнь, чтобы оно имело значение. Фридман приравнивает эту проблему к типичной для пациента, перенесшего ринопластику – тот, кто большую часть своей жизни считал, что причина его несчастий – нос, но после операции осознает, что нос, возможно, был только стрелочником (1951: 343). На нижней ступени нашей иерархии находится цирюльник Иван Яковлевич, первый персонаж с которым мы встречаемся в этой истории. Он пьяница, одетый в лохмотья и грязную одежду. Его нещадно преследует и оскорбляет жена, говорит, что он умеет «только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять» (Гоголь 1966: 46). Такое отношение, как отмечает Фридман, выставляет Ивана Яковлевича сексуально аномальным: «долг», о неспособности выполнения которого обвиняет его жена, означает, что он, может быть, болен импотенцией, и когда он открыл нос, символ статуса и сексуальности, его первая мысль – просто оставить его в покое, а затем он решает избавиться от него (1963: 369). Это показывает, что у него нет никаких амбиций, и он даже рад, когда сбрасывает его с Исаакиевского моста.

Абсурд и подсознательное

Между Иваном Яковлевичем и Ковалёвым существует глубокая связь, отмеченная психоаналитиком Ермаковым в *Очерках*. Углубляясь в их роли и место в сюжете, можно утверждать, что Иван Яковлевич и Ковалёв не только совершенно противоположны друг другу в своем страхе/желании носа, но и фактически комплементарные. Для того чтобы эта связь имела смысл, необходимо понять теорию сна. Юрий Манн в монографии *Поэтика*

Гоголя отмечает, что в черновой редакции, *Нос* заканчивался в тот момент, когда Ковалёв просыпается. Но Гоголь изменил конец опубликованной версии, Манн постулирует, так как в этом периоде сюжеты, которые происходят в снах, уже были устарелым. (Манн 2007: 80). Распространенные аргументы в пользу того, что действие *Носа* происходит не во сне, заключаются в том, что обычно внутри сна меняется тон повествования (там же) и что субъективный план должен использовать только субъект сна (в данном случае Ковалёв) (там же: 81). И то, и другое в *Носе*, действительно, отсутствует, но в отношении второго аргумента есть оговорка, о которой пойдёт речь ниже. Однако, Фрейд в своей книге *The Interpretation of Dreams* пишет, что сны являются манифестацией травматических опытов, подавляемых в бессознательное, и делает вывод, что «Анализируя сновидения, мы можем сделать шаг вперед в понимании состава этого самого чудесного и самого загадочного из всех инструментов» (Freud 2010: 604). Принимая это во внимание, данная глава будет стремиться показать, что прочтение *Носа* как сновидения и его психоанализ могут дать достоверное представление о психологических состояниях как Ковалева, так и Гоголя.

В повести существует достаточно доказательств что сюжет является сном: и цирюльник в первой части, и майор во второй и третьей частях просыпаются в самом начале, что свидетельствует о смене состояний сознания. Повесть начинается в день Благовещения, 25 марта, и заканчивается 7 апреля – разница между этими двумя датами составляет 14 дней, такое же смещение между григорианским и юлианским летоисчислением. Таким образом, 25 марта по юлианскому календарю, это 7 апреля по григорианскому. Даже сам Гоголь ставит под сомнение свою повесть, начиная третью часть словами: «Чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого правдоподобия» (Гоголь 1966: 70), но однако и эту теорию он не подтверждает прямо, заканчивая рассказ словами: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, – редко, но бывают» (там же: 73). Спайчер идёт на шаг дальше, и пишет, что на самом деле существуют два сна – один приснился Ивану Яковлевичу, а другой – Ковалёву. Если принять это за факт, то замечание Манна о субъективном плане можно отбросить. В третьей части *Носа*, когда Ковалёв просыпается и видит, что ему вернули нос, приходит цирюльник и удивляется такому развитию событий, пока лакей майора не видит ничего необычного, когда майор просит его повнимательнее рассмотреть прыщ на носу. Чтобы подчеркнуть взаимосвязь снов двух мужчин, Спайчер обращает внимание на то, что имя и отчество

парикмахера, Иван Яковлевич, и фамилия майора, Ковалёв, вместе образуют полное имя целого человека (1963: 370). Он утверждает, что сон Ковалева и сон Ивана Яковлевича отражают сон третьего лица, из которого состоит вся повесть *Нос*. Это третье лицо – автор, который выбирает такие странные сюжеты: «Кошмар "автора" – это кошмар самого Гоголя» (там же). Ковалёв и Иван Яковлевич являются двумя проявлениями одного «я»: первый, бесконечно ищущий подтверждения своего статуса и положения в социальной иерархии, второй, стремящийся этот статус разрушить, или, по словам Ермакова: «Иван Яковлевич не кто иной, как другое лицо самого Ковалёва, занимающееся онанизмом и в наказание, лишенное самостоятельности, мужского и даже фамилии» (1923:187).

Заключение

Гоголь был человеком, глубоко переживавшим свои недостатки, будь то физические (например, нелюбовь к своему носу), психологические (нестабильное психическое состояние) или духовные, из-за чего повести, которые он писал, часто были вдохновлены его негативным отношением к себе. Подтверждением тому может служить повесть *Нос* – история о том, как коллежский ассессор однажды проснулся и обнаружил, что у него исчез нос, что приводит к забавному и несколько возмутительному эпизоду. Анализируя повесть сквозь призму психоанализа, мы можем определить, что Гоголь наделил нос Ковалёва фаллической символикой и использовал его для выражения собственной сексуальной неудовлетворенности и размышлениями о том, что для него значит самоосуществление. Сравнивая Ковалёва с другими персонажами, такими как полицейский и врач, мы видим, каким растерянным и тревожным становится майор, а сравнивая его с Иваном Яковлевичем, мы видим, что если он не скорректирует свое поведение, то есть не перестанет слепо следовать за своим "носом", то вполне может стать импотентом, как и цирюльник.

Литература

Ганин, Владимир Николаевич (2013) *Психоаналитическая критика как литературоведческий метод*. http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/3/Ganin_Psychoanalytical-Criticism/. Дата обращения: 7.8.2023.

Гоголь, Николай Василевич (1966) *Повести: Том третий*. Москва: Государственное издательство художественной литературы

Голубева, Светлана Владимировна (2014) *Антиномия «Внешнего» и «Внутреннего» человека в повести Гоголя «Нос»* в журнале: Вестник Костромского государственного университета, vol. 20, no. 3. (стр. 145-148) <https://cyberleninka.ru/article/n/antinomiya-vneshnego-i-vnutrennego-cheloveka-v-povesti-gogolya-nos>. Дата обращения: 20.8.2023.

Гуревич, Павел Семёнович, Руднева, Елена Георгиевна (2018) *Психоанализ в России* в журнале: Философская школа. 2018. №5. (стр. 145-153) <https://cyberleninka.ru/article/n/psihoanaliz-v-rossii>. Дата обращения: 6.8.2023.

Ермаков, Иван Дмитриевич (1923) *Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя*. Москва – Петроград: Государственное издательство

Манн, Юрий (2006) *Творчество Гоголя: смысл и форма*. Санкт Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета

Мур, Барнесс, Файн, Бернард (2000) *Психоаналитические термины и понятия*. Москва: Независимая фирма «Класс»

Немов, Роберт Семёнович (2007) *Психологический словарь*. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС

Набоков, Владимир (1999) *Лекции по русской литературе*. Москва: Издательство Независимая Газета

Старовойтов, Владимир Василевич (2022) *Психоанализ // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал*. <https://bigenc.ru/c/psikhoanaliz-f35a53/?v=5017489>. Дата обращения: 7.8.2023.

Blank, Ksana (2021) *A case of castration anxiety* в “*The Nose*”: *A Stylistic and Critical Companion to Nikolai Gogol’s Story*. Boston: Academic Studies Press
<https://doi.org/10.2307/j.ctv1zjg8tc.12>. Дата обращения 20.7.2023.

Freud, Sigmund (1997) *Dostoevsky and Parricide* в *Writings on art and literature*. Stanford: Stanford University Press

Freud, Sigmund (1948) *On the sexual theories of children* в *Collected papers, Volume II*. London: The Hogarth Press

Freud, Sigmund (1977) *The development of the libido and the sexual organizations* в *Introductory lectures on psychoanalysis*. New York City: WW Norton & Company

Freud, Sigmund (2010) *The Interpretation of Dreams*. New York: Basic Books

Friedman, Paul (1951) *The Nose: Some Psychological Reflections* в журнале: *American Imago*, vol. 8, no. 4. (стр. 337-350) <http://www.jstor.org/stable/26301382>. Дата обращения: 20.7.2023

Karlinsky, Simon (1976) *The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol*. Cambridge, London: Harvard University Press

Spycher, Peter C. (1963) *N. V. Gogol’s ‘The Nose’: A Satirical Comic Fantasy Born of an Impotence Complex* в журнале: *The Slavic and East European Journal*, vol. 7, no. 4. (стр. 361–374) <https://doi.org/10.2307/305434>. Дата обращения 20.7.2023.

Vojvodić, Jasmina (2006) *Gesta, tijelo, kultura*. Zagreb: Disput

Sažetak

Nikolaj Vasil'evič Gogol' je bio čovjek duboko osjetljiv na vlastite nedostatke, bilo fizičke (smetao ga je izgled njegovog nosa), psihičke (bio je nestabilnog mentalnog stanja) ili duhovne, a priče koje je pisao često su bile inspirirane njegovom negativnom slikom o sebi. Motiv nosa u Gogoljevu stvaralaštvu ima veliku važnost, te se tako u njegovim novelama i romanu često njuši, kiše, šmrca i šmrče, najbolji primjer čega se vidi u njegovoj noveli *Nos*. Radnja novele prati nezgode majora Kovaljova, koleškog asesora stacioniranog u Sankt-Peterburgu, koji se jednog jutra probudi sa savršeno ravnom plohom na mjestu gdje bi mu trebao biti nos. Srž ovog rada sastoji se od proučavanja *Nosa* kroz objektiv Freudove psihoanalize, i postavlja se teza da je odbjegli nos nabijen faličnom simbolikom, te da se tjeskoba majora Kovaljova može protumačiti kao uzrokovana pišćevim kastracijskim kompleksom.

Ključne riječi

Nikolaj Gogol', *Nos*, falična simbolika, kastracijski kompleks, Freud, psihoanaliza

Ключевые слова

Николай Гоголь, *Нос*, фаллическая символика, комплекс кастрации, Фрейд, психоанализ

Kratki životopis

Ivan Šimić rođen je 23. veljače 1999. godine u Osijeku. Od 2013. do 2017. pohađa gimnazijski program Tehničke škole i prirodoslovne gimnazije Ruđera Boškovića u Osijeku. 2017. godine upisuje dvopredmetni studij ruskoga jezika i književnosti i anglistike na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu.